

1

Мэтти не терпелось покончить с ужином. Он хотел поскорее его приготовить, съесть и пойти. Вот бы он уже был взрослый! (Ведь взрослые сами решают, когда есть — да и вообще, стоит ли тратить время на еду.) У него было дело, и это дело пугало его. Время шло, страх все нарастал.

Мэтти уже не был мальчиком, но и мужчиной он пока не стал. Он привык мерить свой рост по окну. Когда-то он едва дотягивался до рамы — упирался в нее, чувствуя лбом дерево. Но теперь так вырос, что мог без труда заглядывать в дом, а сделав пару шагов назад, в траву, он видел свое отражение. Ему казалось, что его лицо становится более взрослым, хотя он по-прежнему

с удовольствием корчил рожи своему отражению. Его голос стал грубеть.

Он жил в доме слепого, которого все называли Видящий, и помогал ему. Он делал уборку, хотя уборка — это так скучно. Но слепой говорил, что без нее нельзя. Так что Мэтти каждый день подметал дощатый пол и расправлял покрывала на кроватях: тщательно — на постели слепого, равнодушно и небрежно — на своей, в комнате рядом с кухней. Готовили они по очереди. Мужчина посмеивался над стряпней Мэтти и пытался давать ему советы, но Мэтти не хватало терпения и он не думал о тонкостях сочетаний трав.

— Достаточно просто положить все в горшок, — настаивал Мэтти. — Все равно в животе все перемешается.

Это был давний спор двух друзей. Видящий усмехнулся.

— Вот понюхай. — И он взял с доски и протянул ему на ладони светло-зеленый росток.

Мэтти старательно понюхал его.

— Это зеленый лук, — сказал он, пожав плечами. — Можно просто бросить его в кастрюлю. Или так съесть, — добавил мальчик. — Но тогда будет вонять изо рта. А одна девочка пообещала поцеловать меня, если от меня будет приятно пахнуть. Но мне кажется, она просто дразнится.

Слепой улыбнулся, повернувшись в сторону мальчика.

— Дразнить — это часть удовольствия, которое предшествует поцелую, — сказал он Мэтти, который тут же покраснел от смущения. — Ты мог бы выторговать поцелуй за что-нибудь, — предложил мужчина со смешком. — Что бы ты отдал? Удочку?

— Не надо! Не шути про торг.

— Ты прав. Зря это я. Когда-то это было веселое занятие. Но теперь — ты прав, Мэтти, — смеяться над этим не получается.

— В прошлый раз на Торжище ходил Рамон с родителями. Но он ничего не рассказывает.

ЛОИС ЛОУРИ

— Вот и мы не будем об этом. Что там масло, разошлось на сковородке?

Мэтти посмотрел. Золотисто-коричневое сливочное масло слегка пузырилось.

— Да.

— Тогда клади лук. И мешай, чтобы не подгорел.

Мэтти послушался.

— А теперь понюхай, — сказал слепой.

Мэтти понюхал. Слегка припущенный лук издавал аромат, от которого у него потекли слюнки.

— Ну что, лучше, чем сырой? — спросил Видящий.

— Но сколько хлопот! — воскликнул Мэтти. — Готовить — такая морока!

— Добавь сахара, всего одну-две щепотки. Дай потомиться еще минуту, а потом клади кролика. Терпение, Мэтти. Вечно ты хочешь побыстрее, а в этом деле нельзя торопиться.

— Надо успеть до темноты — кое-чего проверить. Хочу добраться до поляны, пока не стемнело.

ВЕСТНИК

Слепой засмеялся. Он взял со стола кусочки кролика, и Мэтти в какой уж раз удивился точности движений его рук и тому, как хорошо он помнит, где что лежит. Он наблюдал за тем, как мужчина ловко обсыпает мясо мукой и кладет его на сковородку. Мясо зашкворчало, и блюдо запахло по-новому. Слепой добавил пригоршню трав.

— Тебе-то все равно, светло или темно на улице, — жалобно проговорил Мэтти. — Но мне для моих дел нужен свет.

— Что это за дела такие? — спросил Видящий и добавил: — Когда мясо подрумянится, добавь немного бульона, чтобы не пригорело.

Мэтти так и сделал. Он наклонил над сковородкой кастрюлю, где они отварили кролика, и темная жидкость подхватила лук и травы, которые закружились вокруг кусочков мяса. Мэтти уже знал, что теперь нужно накрыть сковородку крышкой и убавить огонь. Еда в сковородке тихонько булькала, а он

начал расставлять тарелки на столе, за которым им предстояло поужинать.

Он надеялся, что слепой забудет про свой вопрос о «делах». Ему совсем не хотелось отвечать на него. Мэтти очень занимало то, что он спрятал на поляне. Но и пугало, потому что он еще не понимал, что это такое. Ему подумалось: вдруг он сможет это обменять?

Когда наконец тарелки были вымыты и убраны, а слепой откинулся в своем кресле и взял инструмент, на котором он обычно играл по вечерам, Мэтти тихонько направился к двери, надеясь выскользнуть незамеченным. Но мужчина улавливал любое движение. Мэтти уже знал, что он может услышать, как паук переползает с одного края паутины на другой.

— Опять в Лес?

Мэтти вздохнул. Ну вот, снова не вышло.

— Я вернусь до темноты.

— Может, и так. Но не туши лампу — вдруг опоздаешь. В темноте приятно идти на свет. Я помню, что такое ночной Лес.

— Помнишь с каких времен?

Мужчина улыбнулся:

— С тех самых, когда я мог видеть. Задолго до того, как ты родился.

— Ты боялся Леса? — спросил его Мэтти.

Леса боялись многие, и не случайно.

— Нет. Это все иллюзия.

Мэтти поежился. Он не понял, что хотел сказать слепой. То есть страх — это иллюзия? Или Лес — иллюзия? Он оглянулся. Слепой мягкой тряпочкой вытирал полированную поверхность своего инструмента. Он уже сосредоточился на гладком дереве, хотя не мог видеть золотистую поверхность клена с его волнистыми волокнами. Наверное, решил Мэтти, человеку, лишенному зрения, все кажется иллюзией.

Мэтти выкрутил фитиль и проверил, достаточно ли в лампе масла. Затем чиркнул спичкой.

— Видишь, я не зря просил тебя почистить ламповые стекла, а?

Слепой не ждал ответа. Он провел рукой по струнам, прислушиваясь к их звучанию. Как обычно, он осторожно подстроил инструмент. Он умел различать звуки, которые казались мальчику совершенно одинаковыми. Мэтти немного постоял на пороге, наблюдая. На столе мерцала лампа. Мужчина сидел, склонив голову к окну, так что свет раннего летнего вечера высвечивал шрамы на его лице. Он прислушался, повернул небольшой винт на конце грифа, затем прислушался снова. Теперь он был поглощен звуками и совершенно забыл о мальчике. Мэтти выскользнул наружу.

Мэтти пошел к тропе, которая вела к Лесу от окраины Деревни, кружным путем, чтобы пройти мимо дома учителя, доброго человека с родимым пятном на пол-лица. Когда Мэтти еще только появился в Деревне, он иногда не мог

отвести от него глаз, потому что ни разу до этого не видел таких отметин. Там, откуда Мэтти пришел, увечий не допускалось. Там убивали людей и с меньшими изъянами.

Но здесь, в Деревне, отметины и изъяны вообще не считались недостатками. Их даже ценили. Слепому дали прозвище Видящий, его уважали за то особое зрение, которое у него появилось после того, как он лишился обычного.

Учителя, хотя его настоящее имя было Ментор, дети любя прозвали Роза — за расплывшееся по лицу малиново-розовое родимое пятно. Дети любили его. Он был мудрым и терпеливым. Мэтти, который был совсем мальчик, когда оказался в Деревне и начал жить у слепого, сначала пошел в школу, как все, а зимой по вечерам стал посещать дополнительные занятия. Именно Ментор научил его спокойно сидеть, слушать, а спустя какое-то время — даже писать.

Но он решил пройти мимо дома учителя не для того, чтобы повидать Мен-

тора или полюбоваться его роскошным цветником, а в надежде увидеть учительскую дочку, симпатичную девочку Джин. Это она недавно дразнила Мэтти, обещая поцеловать его. По вечерам она обычно пропалывала сад.

Но сегодня не было видно ни Джин, ни ее отца. Мэтти заметил толстую пятнистую собаку, которая спала на пороге, но в доме, похоже, никого не было.

Ну и ладно, подумал он. Джин задержала бы его своим хихиканьем и насмешками. А обещания она все равно никогда не держит и дает их всем мальчикам. Не стоило делать крюк в надежде увидеть ее.

Он нашел палку, нарисовал сердечко на дорожке возле сада и вписал в него их имена — ее и свое. Вдруг Джин заметит рисунок и поймет, что он здесь был, вдруг для нее это важно?

— Эй, Мэтти, ты что тут делаешь? — из-за угла вышел Рамон. — Ты уже поужинал? Хочешь поесть с нами?

Мэтти быстро двинулся в сторону Рамона, оставив за спиной нарисованное

в грязи сердечко и надеясь, что его друг не заметит этого. К Рамону было бы интересно сходить, потому что его семья недавно сторговала себе вещь под названием «Игровая машина». Это была большая раскрашенная коробка с ручкой, которую дергаешь — и внутри за небольшими окошечками начинают вращаться три барабана с рисунками. Раздается звонок, барабаны останавливаются, и, если все три изображения в окошечках совпали, машина выплевывает леденец. Играть было очень интересно.

Он порой думал, а чем они пожертвовали ради этой «Игровой машины», но обсуждать такие вещи было не принято.

— Мы уже поели, — сказал он. — Мне надо забежать кое-куда до темноты, поэтому мы поужинали раньше.

— Жалко, что я не могу с тобой. У меня кашель, и Травник сказал, что мне не надо слишком много бегать. Я пообещал сразу пойти домой, — сказал Рамон. — Но если ты подождешь, я спрошу...

— Нет, — ответил Мэтти. — Лучше я один.

— А, ты с посланием?

Это было не так, но Мэтти кивнул. Ему было немного неловко врать, даже по мелочам. Хотя уж он-то умел это делать. Мэтти вырос там, где все лгали, и он до сих пор не мог до конца поверить, что жители Деревни, в которой он теперь живет, считают, что врать — плохо. Мэтти всегда казалось, что с помощью вранья все делается понятнее, проще и удобнее.

— Ну, тогда увидимся завтра. — Рамон помахал ему рукой и поспешил домой.

Мэтти знал тропинки Леса так, словно сам их проложил. Впрочем, некоторые из них он и в самом деле протоптал за долгие годы, найдя более простой и короткий путь. Даже корни на этих тропах ушли в землю и стали плоскими. В Лесу он был быстр и незаметен, всегда выбирал верное направление, чувствовал изменения погоды и предсказывал дождь задолго до того, как на

небе появлялись тучи или менялся ветер. Мэтти просто *знала*.

Другие жители Деревни редко отваживались зайти в Лес. В Лесу было опасно. Иногда он закрывался и поглощал тех, кто зашел слишком далеко. Смерть таких людей была чудовищна: тела покинувших Деревню приносили обратно с обрывками вьюнов, намертво опутавших горло, руки и ноги. Лес тоже каким-то образом *знал*. А еще он почему-то знал, что походы Мэтти для Леса не опасны и даже необходимы. Ползучие растения никогда его не трогали. Иногда даже казалось, что деревья расступаются перед ним и подталкивают вперед.

— Лес любит меня, — однажды с гордостью объяснил он слепому.

Видящий согласился.

— Возможно, ты ему нужен, — предположил он.

И жителям Деревни Мэтти тоже был нужен. Они доверяли его знанию тропок, его способности безопасно передви-

гаться по ним и поручали ему задания, связанные с походами через густые заросли с их запутанными стёжками. Он доставлял их письма. Это была его обязанность. Он считал, что когда настанет время получать настоящее имя, то ему дадут имя Вестник. Ему нравилось, как оно звучит, и не терпелось получить его.

Но в тот вечер Мэтти не надо было относить или забирать никакого послания. Рамону он соврал. Он направлялся на одну поляну, сразу за роцей из тесно растущих колючих елок. Он ловко перепрыгнул небольшой ручей, свернул с набитой тропы, прошел между деревьями, разводя ветви руками. В последние годы елки сильно разрослись, теперь поляна была полностью скрыта от посторонних глаз, и Мэтти считал ее своей.

Ему нужно было кое-что понять, а для этого требовалась укромность — место, где можно втайне испытать себя и решить, что же делать с тем, что так его пугало.

На поляне было сумрачно. За спиной Мэтти солнце начинало опускаться за Деревню, и свет, который проникал через Лес, был розоватым и бледным. Мальчик прошел по мшистой земле к высоким зарослям папоротника у подножия дерева, сел на корточки и прислушался, вытянув шею. Он тихонько издал специальный звук, которому недавно выучился; спустя короткое мгновение слышался ответ. Мэтти и ждал его, и боялся.

Он слегка нагнулся и поднял на ладони маленькую лягушку. Она без страха посмотрела на мальчика своими выпученными глазами и вновь издала звук:

— *Черререк. Черререк.*

— *Черререк.* — Мэтти повторил этот горловой звук, словно они разговаривали.

Хоть он и нервничал, от такого разговора ему стало смешно. Мэтти внимательно осмотрел гладкое зеленое тельце. Лягушка не пыталась ускакать. Она недвижно сидела на ладони, ее горло, по-